

Учитывая, что тиран творил раньше, Се Чжижун испытывает к нему лютую ненависть, и Сяо Лин мог это понять, но вот содержание наказания... испытать пытку линчи на протяжении двенадцати часов?

Сяо Лину в тот же миг показалось, что Дворец Тайвэй — поистине прекрасное место с великолепными пейзажами и благоприятной атмосферой, и даже если Се Чжижун забудет его до смерти, ему всё равно придется туда отправиться.

— Стоп.

Система замерла.

— Я пойду, — отрезал он без малейшего колебания.

Наказание меняется в зависимости от уровня благосклонности Се Чжижуна?

Значит ли это, что если у него сложатся неплохие отношения с Се Чжижуном, то даже при частых отклонениях от характера и сюжета наказание не окажется слишком суровым?

Идти по оригинальному сюжету и одновременно поднимать уровень благосклонности Се Чжижуна — настройки этой штуки просто непостижимы. Если только у Се Чжижуна нет какого-нибудь психического расстройства, Сяо Лин сомневался, что сможет справиться с подобной задачей.

Император открыл глаза.

Его бледное, почти прозрачное лицо попало на глаза Сюй Цзи, вызвав у этого преданного слуги безграничную тревогу.

— Ваше Величество?

Сяо Лин медленно произнес:

— Подать паланкин, во Дворец Тайвэй.

В худшем случае его просто забудет Се Чжижун. Он боялся вовсе не линчи, ему просто доставляло удовольствие быть убитым!

Появиться во Дворце Тайвэй дважды за один час?

Такого еще никогда не случалось.

Сюй Цзи помедлил, глядя на уже переодевшегося в ночные одежды Сяо Лина, и сказал:

— Ваше Величество, ночью холодно и падает тяжелая роса, не лучше ли позвать молодого господина Се во Дворец Вэйян?

Если бы была возможность, Сяо Лин и сам не стал бы лишний раз себя утруждать.

Но Система сказала отправляться во Дворец Тайвэй.

Сяо Лин взмахнул рукой:

— Не нужно, Я отправлюсь к Цзижуну.

Сюй Цзи понял, что император уже принял решение и не оставил места для маневра, поэтому опустил голову:

— Слушаюсь, ваш слуга понял.

Хотя Сюй Цзи встретился с Се Чжижуном лишь единожды, он инстинктивно чувствовал, что тот не похож ни на кого в этом гареме. Другие люди преследовали выгоду, цеплялись за жизнь или испытывали страсть к императору — все они пытались что-то получить от правителя, а потому не могли представлять для него угрозы.

Тогда как насчет Се Чжижуна?

Сюй Цзи низко поклонился и отправился отдавать распоряжения.

Теперь ему оставалось лишь уповать на то, что родня из Резиденции князя Хуай сумеет сдержать Се Чжижуна и заставит его проявить осторожность.

Он подсознательно оглянулся.

Сяо Лин сидел перед зеркалом из бронзы, легко поглаживая пальцами гребень из нефрита.

На лице императора промелькнуло подобие улыбки, и в этот момент он до странного сильно походил на человека, который нежно готовится к встрече с любимым.

Сюй Цзи замер.

Ему еще никогда не доводилось видеть столь мягкое выражение на лице Вашего Величества.

Сяо Лин уже обернулся к нему, и министр тут же потупил взор, пятясь назад.

Сяо Лин, застигнутый собственным подчиненным за тренировкой выражения лица перед зеркалом, на мгновение умолк.

К счастью, к великому счастью, у тирана изначально был переменчивый нрав. Улыбаться, глядя в зеркало — разве это, пожалуй, выглядело чем-то невероятным?

— Подожди, — Сяо Лин внезапно что-то вспомнил.

Сюй Цзи, уже занесший ногу за порог, остановился, развернулся и почтительно произнес:

— У Вашего Величества есть еще какие-то указания?

— В этот час Цзижун, должно быть, уже отдыхает. Прикажи евнухам и служанкам Дворца Тайвэй не выходить встречать Меня, — обдумав слова, произнес Сяо Лин. — Чтобы не нарушать его покой.

Было бы еще лучше, если удастся обойтись без шума и не потревожить Се Чжижуна.

Сюй Цзи помолчал мгновение и ответил:

— Слушаюсь, ваш слуга понимает.

На его лице не дрогнул ни один мускул, однако в душе бушевали гигантские волны.

При столь холодном, бессердечном и эгоцентричном характере императора он вдруг обратил внимание на столь незначительную мелочь.

Если бы это произошло раньше, не говоря уже о подобной заботе в мелочах, вздумай император среди ночи увидеть кого-либо, он непременно заставил бы этого человека явиться во Дворец Вэйян, искренне полагая, что оказывает тому величайшую милость.

Не прошло и суток с момента вступления в гарем, как Ваше Величество уже настолько проникся чувствами к Се Чжижуну?

Сяо Лин потренировался еще немного.

Слуги собирались переодеть его снова, но Сяо Лин решительно не желал тратить полчаса на одежду и прическу ради похода во Дворец Тайвэй, а затем еще полчаса на раздевание и расчесывание на месте. Поэтому поверх ночной одежды он накинул лишь повседневный

верхний халат, обойдясь без каких-либо нефритовых украшений, а волосы собрал как можно проще, кое-как закрепив лентой.

Оделся он легко, и Сюй Цзи, заметив это снаружи, велел принести накидку и укутал ею плечи императора.

Поскольку Сяо Лин распорядился не поднимать шумиху, путь прошел в тишине.

— Ваше Величество, молодой господин Се уже отдыхает, — главный евнух Дворца Тайвэй вышел вперед и, отдав поклон, произнес: — Стоит ли известить молодого господина Се о прибытии Вашего Величества?

То, что Се Чжижун отдыхал, было как раз к лучшему.

Сяо Лин совершенно не желал, чтобы Се Чжижун узнал о его приходе, поэтому махнул рукой:

— Он сегодня устал, не нужно его будить. Приберите в боковой зале, сегодня Я буду ночевать здесь.

Стоило прозвучать этим словам, как вокруг воцарилась абсолютная тишина.

Сяо Лин приподнял бровь:

— Что такое?

Главный евнух едва не вытаращил глаза.

Он что, расслышал неправильно?

Ваше Величество желает поселиться в боковой зале!?

Хотя здесь имелась главная зала, в которой спал тот самый писанный красавец, которого император всеми правдами и неправдами затащил в дворец, правитель явился ночью и заявил, что будет жить в боковой зале?

После вопроса Сяо Лина главный евнух уже не смел произнести ни звука и тут же бросился отдавать приказания приготовить боковую залу.

Евнух ломал голову, но так и не мог найти ответа: неужели всё обстоит именно так, как сказал император, и он боится разбудить Се Чжижуна?

Разве... разве такое вообще возможно?

Сяо Лин уселся на место, не спеша попивая чай, который преподнес Сюй Цзи.

Опасаясь, что император не сможет уснуть, чай заварили не крепким, добавив в него немного успокаивающих семян зизифуса.

Сделав глоток, Сяо Лин кивнул Сюй Цзи и легко улыбнулся.

Ради того, чтобы император не скончался от внезапной смерти, Сюй Цзи действительно выкладывался по полной.

Сяо Лин улыбался редко, и выражение его лица обычно оставалось мрачным, однако с тех пор, как Се Чжижун вошел во дворец, сегодня он улыбался уже несколько раз.

Император уродился писаным красавцем, чертами лица чрезвычайно напоминая Благородную супругу Шэнь, некогда затмившую весь гарем. Благородная супруга Шэнь была ленивой и ослепительной красавицей, и император, будучи ее родным сыном, невероятно походил на мать, вот только эта красота на лице юноши казалась чересчур роскошной и утонченной.

Когда он улыбался, мрачные тучи рассеивались, и в его облике проступала живая, человеческая теплота.

Сюй Цзи на мгновение замер. Лишь когда император отвел взгляд, он резко опустил голову, а сердце в груди колотилось так громко, что он почти не слышал звуков снаружи.

<http://bllate.org/book/26821/3222675>